

Литературные известия

№ 8 (254)

Август 2026

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

КРАСОТА И ПРАВДА ЖИЗНИ: ОТКРОВЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ... (Творчество и судьба Михаила Пришвина)

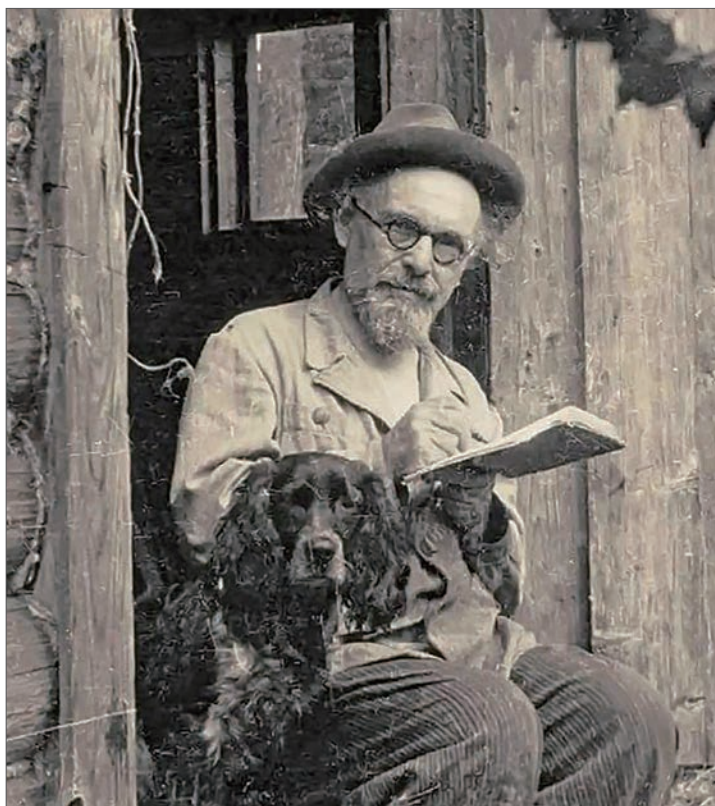
Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954) — замечательный русский писатель, в творчестве которого главной темой была жизнь природы родной страны. Он много путешествовал и признавался: «Всей этой своей географией я обязан вот этому чувству благодати, исходящей от родной земли»¹. Но Пришвин не просто мастер словесного пейзажа. Это писатель-исследователь и философ. На первом плане для него — смысл бытия человека и мироздания.

По собственному признанию, Пришвин «всю жизнь как писатель <...> только и делал это, что пытался своим искусством открыть этот мир сокровищ для людей» (401). На склоне лет художник записал в свой дневник, который вел более полувека: «Иногда, очнувшись в лесу от своих мыслей, я как бы выгляну из себя и вдруг увижу вокруг деревья, цветы, травы, птиц, муравьев, как существ живых, самостоятельных. В особенности молодые сосны или березы, расставленные где-нибудь на лесной поляне, — глянешь на них из себя и вдруг увидишь в каждом свою судьбу, свою борьбу. Тогда открывается в душе родник радости жизни, чистой, святой и страстное желание прийти к людям, не понимающим этого, и открыть им непостижимые сокровища жизни, скрытые от них суетой, пустяками» (401).

10 марта 1950 года Пришвин заносит в дневник свои итоговые заветные размышления: «Что же касается эволюции, то есть преобразования во времени, то это есть движение всех частей к воссоединению и возрождению» (525). Вера в конечное торжество правды, в возможность гармонии всего сущего, стремление к этой гармонии давали писателю творческие силы для создания его оригинальной художественной прозы. Философские раздумья естественным образом переплавились в красоту словесной живописи, волшебство русского слова.

Такова удивительная пришевская повесть «Жень-шень» (1932). Она сложилась под влиянием впечатлений от поездки писателя по редакционному заданию на Дальний Восток. Впервые произведение с подзаголовком «Корень жизни» было опубликовано в третьем номере журнала «Красная новь» за 1933 год. А в феврале следующего 1934 года, как раз ко дню рождения писателя, «Жень-шень» вышел отдельным изданием. 3 февраля Пришвин записал в дневнике: «Выход книги "Жень-шень". Перечитываю и удивляюсь, — откуда взялось!» (259) Так творение своим совершенством не переставало изумлять даже самого своего творца.

Неслучайно писатель считал книгу о легендарном корне жизни одним из самых важных — коренных — своих произведений: «Эта вещь моя коренная». Более того — Пришвин называл повесть «скрытой автобиографией».

олена, по рукам и ногам. Во мне боролись два человека. Один говорил: "Упустишь мгновенье, никогда оно к тебе не возвратится, и ты вечно будешь о нем тосковать. Скорей же хватай, держи, и у тебя будет самка Хуа-лу, самого красивого в мире животного". Другой голос говорил: "Сиди смирно! Прекрасное мгновение можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками"».

Писатель не переставал размышлять над своим творением, открывая в нем новые глубины, сакральные смыслы: «человек жизни вступает в борьбу со смертью и побеждает: любовь сильнее смерти. <...> я и "Жень-шень" свой понял как такую же борьбу» (352).

С этой повестью сопоставлял Пришвин и другие свои произведения, словно проверял их потенциальную значимость в сравнении с драгоценным корнем, вобравшим в себя все жизненные силы и тайны природы. И писателю нередко приходилось признаваться самому себе, что его новые сочинения уступают «Жень-шеню». Так, например, об одном из своих произведений Пришвин отозвался 4 апреля 1949 года в дневниковой записи: «В общем, как художественное произведение это не кристалл, подобный "Жень-шеню"» (520).

Бесценный пришевский «кристалл» принес писателю заслуженное признание, широкую известность в Советском Союзе и за рубежом. Повесть была переведена на иностранные языки. В 1936 году книга была издана в Лондоне с предисловием профессора Гексли. Писатель, которому тогда перевалило уже за 60 лет, не мог не радоваться, прямо по-детски, международному успеху своего творения. В пришевском дневнике появляются записи: «9 июля. Великое счастье: "Жень-шень" пробил себе дорогу в свет, книга получена в роскошном издании с предисловием Гексли» (299); «у меня появляется друзей все больше и больше, даже в Англии, даже в Германии "Жень-шень" назван "мужественной" книгой» (323).

В то же время не всем читателям — современникам Пришвина, даже высокообразованным интеллектуалам, — было дано понять и прочувствовать глубинный смысл повести. Писатель замечал в дневнике: «люди, привыкшие ценить в искусстве лишь красоту, а не знание и волю, несомненно поймут. Это видно по книге "Жень-шень", с каким священным восторгом ее читают немногие и как равнодушны к ней массы читательские» (401).

Но вот в юбилейный для Пришвина 1953 год — год 80-летия писателя — он получил неожиданный подарок. Дарители тоже были необычные — артиллеристы, проходящие военную службу на Дальнем Востоке, — там, где более двадцати лет назад Пришвин создавал свой «Жень-шень». Артиллеристы-

Продолжение на стр. 2

Сегодня
в номере:

Атланты литературы

*

Новости

*

Рецензии

*

Интервью

*

Поэзия

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

**«Диалог» —
ЭТО ВАШ
ТЕЛЕКАНАЛ!**

**Телекомпания
«Диалог» создает
фильмы о тех людях
и фирмах,
которые добились
значимых результатов
в жизни.**

www.tv-dialog.ru

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Продолжение. Начало на стр. 1

дальневосточники не просто удивили и порадовали писателя отзывом о его книге. В очередной раз Пришвин, уже на заказе дней, убедился в верности своего литературного пути, дела всей своей жизни: «И теперь вижу ясно, что все, написанное мною и признанное, были отдельные искорки из пережитого мною, из моей собственной жизненной поэмы. Если же люди эти искры узнают и понимают, значит, и они переживают эту поэму. Особенно убедила меня в этом юбилейная телеграмма какого-то артиллерийского расчета: «Всем расчетом благодарим вас за "Жень-шень"». А между тем не раз я слышал мнение образованных людей о "Жень-шене", что это "трудная философская вещь". Значит, если "расчет" понял, то существует же такое общее переживание одной поэмы» (632–633).

Созданная почти 95 лет назад, эта лирико-философская повесть и по сей день завораживает читателя.

Изумляют бесконечным многообразием картины девственной природы дальневосточной тайги: «среди коренастых стволов осокоря тут были черная береза, ель, пихта, граб, мелколистственный клен, и дальше, когда мы прошли этот густой лес, перевитый лианами лимонника и винограда, в третий раз переменялась растительность на берегу какого-то неизвестного ручья: тут вперемежку с широколистственными ореховыми деревьями были только изредка кедр: редкие крупные деревья утопали в густейших зарослях крушинника, бузины, черемухи, дикой яблони, под сенью которых, среди буйных тенелюбивых трав, где-то и надо было искать корень жизни Жень-шень».

Вслед за автором мы словно попадаем в первозданный земной рай: «Меня с малолетства манила неведанная природа. И вот я будто попал в какой-то по моему вкусу построенный рай. <...> лесистые горы, долины с такой травой, что всадник в ней совершенно скрывается, красные большие цветы — как костры, бабочки — как птицы, реки в цветах. Возможно ли найти еще такой случай пожить в девственной природе по своей вольной волюшке!» Человек на мгновение может ощутить себя здесь абсолютно счастливым: «перевалил какой-то хребет и увидел перед собой голубой океан. Да, вот за одно только за это, чтобы увидеть с высоты перед собой голубой океан, можно бы отдать много <...> Долго я любовался с высоты, считая себя по всей правде счастливейшим в мире человеком».

Мне не раз приходилось воспринимать подобное переживание красоты дальневосточной природы — только уже не в книге, а в реальности — из многочисленных рассказов моего супруга Евгения Строганова, проходившего армейскую службу в середине 1980-х годов на Дальнем Востоке, среди уссурийской тайги.

Своими глазами Женя видел и реликтовые растения, и гигантские таежные кедр и пихты, которые едва могли обхватить трое солдат, и россыпи дикорастущих ярких цветов и ягод, и огромных нарядных бабочек, и разноцветных длиннохвостых фазанов с диковинными перьями, и таежные озера из чистых родников, и целебные источники с минеральной водой, и даже легендарный женьшень. А весной 1986-го года весь военный городок слышал рев тигра — с вершины близлежащей таежной сопки грозный голос хозяйина тайги раздавался на много километров вокруг несколько дней подряд.

По удивительному совпадению, мой супруг тоже служил в артиллерийских войсках и, подобно тому артиллерийскому расчету, который в 1953 году прислал Пришвину к юбилею восторженный отклик о «Жень-шене», мог бы присоединиться к отзыву тех артиллеристов — своих предшественников. До сих пор хранится у нас дома картина армейского художника-самоучки, изображающая сопки — характерный дальневосточный пейзаж. Женя попросил тогда своего сослуживца сержанта Владимира Семёина из Барнаула запечатлеть на память буйство разноцветных осенних красок на привлекающих к военному городку сопках, которыми любовался за время службы.

Неповторимое очарование дальневосточной природы глубоко запало в душу и супругу, и его сослуживцам-артиллеристам Андрею Петкову из Хабаровска, Сергею Сергеевичу Коляде из Южно-Сахалинска, Евгению Нурисламову из Петропавловска-Камчатского, Магомеду Нухову из дагестанского города Избербаш, Дмитрию Ускову из подмосковных Мытищ, Владимиру Меланичу из Ханты-Мансийска, Андрею Севостьянову из города Волжский, Сергею Луханину из Амурска и многим другим.

Бурно цветущие райские кущи расцвечены ослепительно яркими красками: «Та долина, где бежит Зусухэ, вся сплошь покрыта цветами <...> Были ирисы — от бледно-голубых и почти что до черных, орхидеи всевозможных оттенков, лилии красные, оранжевые, желтые, и среди них везде звездочками ярко-красными была рассыпана гвоздика. По этим долинам, простым и прекрасным цветам всюду летали бабочки, похожие на летающие цветы, желтые с черными и красными пятнами аполлоны, кирпично-красные, с радужными переливами крапивницы и огромные удивительные темносиние махаоны».

КРАСОТА И ПРАВДА ЖИЗНИ: ОТКРОВЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ... (Творчество и судьба Михаила Пришвина)

Посреди всего этого великолепия герой-повествователь «научился понимать трогательную простоту рассказа каждого цветка о себе» и постиг, что извечная мудрость природы и всего мироздания, открытая даже травинке, цветку, недоступна человеку в полной мере: «каждый цветок в Зусухэ представляет собою маленькое солнце, и этим он говорит всю историю встречи солнечного луча с Землей. Если бы я мог о себе рассказать, как эти простые цветы в Зусухэ!»

Солнце оставило свои отметины и на животных. Например, в виде экзотического окраса с чередованием ярко-оранжевых широких и темных узких полос у хозяина тайги — уссурийского тигра. Причем, замечено, что у каждого красавца-тигра рисунок расположения этих полос уникальный, единственный, одинаковых узоров не бывает. Солнечными пятнышками изукрашен мех таежной рыси. Яркие лучики-кисточки красуются на ушках рыжей белки. Пришвин же выделяет «одно из самых прекрасных в мире, самых нежных и грациозных существ» — пятнистого оленя. И на нем тоже словно россыпь солнечных зайчиков.

К рассказчику приходит неожиданное прозрение — мысль о неразрывной глубинной связи всего живого, сущего в их единой судьбе: «и я сразу понял, почему китайцы этого драгоценного оленя зовут Хуа-лу, значит — олень-цветок».

Такое поэтическое имя дано оленю не только из-за окраса шерсти в виде пятен-цветков. Метафора более глубокая. Она выявляет процесс сотворчества человека и природы. В полной мере образ раскрывается после того, как герою несколько раз посчастливилось увидеть животное так близко, что он смог заглянуть ему прямо в глаза: олениха «сделала один и еще один шаг ко мне. Я смотрел ей прямо в глаза, дивился их красоте, то представляя себе такие глаза на лице женщины, то на стебельке, как цветок, как неожиданное открытие среди цветов Зусухэ. Тут я еще раз понял необходимость имени олень-цветок, и мне было радостно думать, что много тысяч лет тому назад никому не известный желтолицый поэт, увидев эти глаза, понял их как цветок, и я теперь, белолицый, их понимаю тоже как цветок; радостно было и от того, что я не один и что на свете есть бесспорные вещи».

Эти дивные животные также становятся героями повести. Словно в волшебной сказке, олени имеют свои судьбы, собственные имена: Хуа-лу, Серый Глаз, Черноспинник.

Сказка продолжается наяву. Хуа-лу вдруг обернулась женщиной: «олень-цветок превратился в царевну...»; «появив красату необыкновенного зверя, я вдруг получил возможность продолжать это бесконечно далеко в человеке. Было — как будто я из тесного распадак вышел на долину Зусухэ, покрытую цветами, с бесконечным продолжением ее в голубой океан».

Первая любовь, как несбывшаяся сказка: «я ничем не мог заменить себе то мгновение, когда олень Хуа-лу расцвела в человека и скрылась...», — явилась животворящим источником создания повести. 14 ноября 1935 года Пришвин внес в свой дневник исповедальную запись: «Первая любовь для мужчины только в редчайших случаях делается любовью брачной <...>. И вот была одна первая любовь, только одна на всю жизнь (поэтическая аскеза)... И там ничего, и все зря: разряд в пустоту, а песня остается, радостная тень любви: так создался "Жень-шень"» (285–286).

Редчайшее сокровище дальневосточной тайги — легендарный корень жизни женьшень — тоже соотносится с оленем-цветком, в том числе по мощной силе целебного воздействия на человека. «Если бы жень-шень не обладал целебными свойствами и действовал лишь по вере людей, то все равно почитание этой травки единодушно многомиллионным народом в течение тысяч лет и в то же время способность этой травки жить в течение многих столетий... То же самое и панты, взятые с головы красивейшего зверя "Олень-цветок"» (232), — записал Пришвин в дневнике во время работы над повестью.

Издавна женьшень — это реликтовое растение — связан с благоговейным поклонением, окутан множеством преданий, легенд, суеверий. Корень растет несколько десятилетий. Развившись, принимает очертания человеческого тела: «я тоже, разглядывая, с удивлением стал узнавать в этом корне человеческие формы: отчетливо было видно, как на теле расходились ноги, и тоже руки были, шейка, на ней голова, и даже коса была на голове, и мочки на руках и ногах были похожи на длинные пальцы». В период путешествия по Дальнему Востоку и во время подготовки повести Пришвину посчастливилось найти и сфотографировать женьшень: «21 июля. Солнечный день. Снимал жень-шень (человек-корень). Если говорят просто "Жень", значит, корень представляет фигуру человека наиболее отчетливо» (231).

Увидеть в природе женьшень было не просто везением, улыбкой фортуны. Согласно древним поверьям, корень открывается только тому из людей, кто имеет чистую душу, доброе сердце, незапятнанную совесть: «для успеха в искании корня жизни надо иметь чистую совесть».

Писатель раскрывает не только медицинское понимание или мистические представления о таинственном «корне жизни», давшем название повести. Этот центральный образ произведения является символическим «исходным моментом житетворчества». Для рассказчика поиски женьшеня в тайге оборачиваются поиском и обретением самого себя, своей внутренней сущности. Найти и понять «свой Жень-шень» — в этом, согласно Пришвину, заключается задача каждого человека: «Какая глубина целины, какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходят и уходят, не поняв свой Жень-шень, не сумев раскрыть в своей глубине источник силы, смелости, радости, счастья!»

«Жень-шень» — это книга о жизни и смерти, о любви и разлуке, о вечном стремлении человека к счастью, к абсолютной гармонии и об осознании их недостижимости: «ты это понял, что нашел свое счастье, пошел навстречу ему, доверился, отдался, а оттуда в тебя, в ту самую точку, где находится счастье, начали стрелять».

Но, несмотря ни на что, пришивинский «Жень-шень» учит мудрости самопознания в самоотвержении, в умении выйти за пределы замкнутого круга узколичных интересов: «Да, мне кажется, в этом и есть творческая сила корня жизни, чтобы выйти из себя и себе самому раскрыться в другом».

Последние лирико-философские раздумья в повести — об умении понимать и принимать ход жизни: «Может быть, я еще и о многом мечтал, но все эти мечты были, как я их потом стал называть, досрочными. В этом надо всем нам сознаться, что есть сроки жизни, не зависящие от себя лично; как ни бейся, как ни будь талантлив и умен, — пока не создались условия, пока не пришел срок, все твое лучшее будет висеть в воздухе мечтой и утопией, только я чувствую, я знаю одно, что мой корень Жень-шень где-то растет, и я своего срока дождусь» — соотносятся с итоговыми, глубоко личными, последними исповедальными записями в дневнике писателя: «А природа моя — это личность, это живое изначальное творческое существо. Его-то, это существо, и надо ожидать, вот именно надо уметь ожидать. В этом умении ожидания божественной личности, может быть, и таится начало всех наших искусств» (632).

Для Пришвина процесс творчества, вне сомнений, связан с Божественным началом, с воспламенением искры Божьей в душе человеческой, с проявлением Творца в творении. Писатель сознает, что без Господней воли, без Божьей помощи истинное творчество невозможно: «Так, оказывается, есть область, в которой при всем таланте к поэзии ничего не сделаешь <...>. Я думал <...> поможет мне смирение, сознание скромности моего места, любимая молитва: "Да будет воля Твоя" (а я — скромный художник)» (370–371).

Сохранять искру Божью, это хрупкое «прекрасное мгновение» во всей его красоте и правде Пришвин стремился и в других своих произведениях, созданных после повести «Жень-шень», лирический герой которой признавался: «Всякий охотник поймет мое почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим. Но во мне еще был другой человек, которому, напротив, не надо хватать, если приходит прекрасное мгновение, напротив, ему хочется то мгновение сохранить нетронутым и так закрепить в себе навсегда».

И читатель у Пришвина тоже особый, духовно родственный писателю: «Знаю, что не всякого читателя заинтересует моя "Теплая капель", и в особенности мало она дает тому, кто в словесном искусстве ищет обмана, забвения от действительной жизни. Что делать — всем не угодишь, я пишу для тех, кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни» (371).

«Эта капля, это проходящее мгновение действительности <...>, всегда она — правда» (371), — сформулировал Пришвин в своем дневнике. Из дневниковых наблюдений-капель рождались новые творения, очерковые записи перерастали в художественную прозу. Таковы, например, «записки» «Лесная капель», поэма «Фацелия», сборники рассказов и сказок «Лисичкин хлеб», «Дедушкин валенок», повесть-сказка «Корабельная чаша», сказка-быль «Кладовая солнца», цикл «Глаза земли» и многие другие произведения.

Пришвина нередко упрекали в том, что не время описывать «травинки и цветочки», когда идет интенсивное строительство социалистического государства. В первую очередь

Окончание на стр. 3

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Юрий Казарин
Немтырь (думающий стихи)М.: Издательство Евгения Степанова,
Издательство «Клуб печати», 2026

Говорить о романе **Юрия Казарина** можно долго и содержательно, поскольку есть что сказать: это тихая исповедь того, кто позволяет стихам думать их самих. Какое огромное слово — «думать»... Не размышлять, не сочинять — а позволять случиться, подготовить почву для того, чтобы стихотворение возникло само, как будто из ничего. Что же перед нами за герой?..

...Причины ранней детской немоты до конца не изучены, однако чуткий человек интуитивно понимает: значит, говорить небезопасно. В тех условиях, в тех обстоятельствах, в которых оказывается мальчик Ваня, главный герой романа (да, роман автобиографический), — это и вправду так: начинается жизнь, грубая, грязная, и по мере взросления она становится все тяжелее. Герой Юрия Казарина с раннего возраста видит жизнь во всей ее неприглядности: «Вдруг инженер-казак (а он был почти на полметра выше своей жены) бросил, швырнул, впечатал свою Катю — лицом, грудью, животом, всем телом — на забор, в забор, так сильно и крепко, что доски выдохнули: “Хххрхсь!.. Грррххсь!.. Мрррххсь!..” Он резко отпрянул от завалившейся под забор жены, развернулся, глянул на Ваню, как на кошку смотрят в деревне, — и задами, огородами ушел на автобусную остановку, спрятанную в березовую рощицу».

Жестко. Страшно. Кажется, будто мальчику, который видел такую «разборку» между родителями, самой судьбой уготована кривая дорожка. Но мы читаем дальше... И вот уже перед нами — слова о поэзии, рвущиеся в пространство как будто помимо человеческого воли: «Кто-то прошибает небо Библией. А ты — лбом. Вы с Ваней прошибаете небо, пронизываете его в три лба: в небесное, твое и Ванино... Стихотворение может стать песней (не хочет этого), тогда как песня всегда мечтает быть стихотворением. Ты держишься в этом мире на честном слове. Ты пришит к жизни белыми нитками. Ох, как видно: ох, как заметно, что ты — ЧУЖОЙ. Стихотворение, немтырь — в государстве, в стране, на планете этой, социализированной до задыхания, — бродяга. Бродяга: и в уголовном, и в зауголовном, и в угольном, и в угловом, и в Гоголевом смысле. Ты — не лишний. Ты иной. Вот и все. Хрена ли тут скажешь: так есть. И это хорошо. И — Слава Богу». Позвольте, таким слогом о высоком размышляет тот же, только повзрослевший человек?.. Да. Он заговорил. И теперь понятно, почему так долго молчал: чтобы не пустословить. Когда же он успел так переродиться?.. (На самом деле — успел многое, но мы не будем ставить знак равенства между автором и его главным героем, хотя так и хочется это сделать.)

Ошибется тот, кто воспримет последнюю фразу приведенного отрывка исключительно в церковно-догматическом ключе: это итог разговора с самим собой, выстраданный, тяжелый. Это выдох облегчения, подводящий черту под чередой размышлений. Мы видим текст о выживании творческой, рефлексирующей личности в мире агрессивной нормы. О праве быть неуклюжим, неуместным, «пришитым на соплях», но сохраняющим внутреннюю вертикаль. Он утверждает ценность частного бытия, которое находит точку опоры не вовне (в государстве, религии или обществе), а внутри собственного «честного слова», даже если со стороны такая жизнь выглядит насмешкой. По своему духу и теме поиска иного пути этот фрагмент (наряду, кстати, со многими другими, где речь идет об извечной оппозиции «свой» — «чужой») очень точно попадает в традицию русского экзистенциального стоицизма, переключаясь с интонациями Венедикта Ерофеева, Леонида Губанова или ранней лирики Иосифа Бродского.

И форма хороша, до чего хороша! На грани стихотворения, которое совсем немного опирается на прозаическое начало, как будто еще не окончательно решила оторваться от линейного мышления: если совсем отвязать этот канат и уйти в свободное плавание, «поплывет» и содержание; если остаться в строгих рамках прозаического текста, пострадает поэтическое начало. Поэзия же у автора сплошь метафизическая, сотканная из недосказанности. Мы привыкли, что Юрий Казарин формулирует поэзию как форму прямого доступа к базовым кодам вселенной: в его системе координат

стихи перестают быть литературой или искусством описания; они становятся способом физического контакта с запредельным. Это отчаянная попытка языка удержать то, что всегда ускользает: саму суть существования.

А здесь перед нами — жесткая проза, реалистичная, временами совершенно непохожая на творчество поэта Казарина. То и дело в повествование врывается публицистика: рассуждения о Ельцине, о советском режиме... Плотный речевой поток будто сбивает с ног. Как этот человек воевал в Аравии? Об этом толком никто не знает. Автобиографичность подается отрывисто, к слову, чтобы читатель сам догадался и достроил картинку из намеков... Что наши люди делали в Индокитае?.. Простые читатели не задумываются над такими вопросами: в свое время об этом мало что говорили по официальным каналам, и в основной своей массе люди и не знали, что в мире делается. Герой романа — не просто знал, но и активно в этом участвовал. Он вообще старается влиять на мир, причем не только на «верхушку» — повседневные события, его интересуют подводные течения, первопричина происходящего. Редко кто, нырнув глубоко, продержится в темной воде дольше пары абзацев, пытаюсь объять необъятное: «Жизнь, смерть и любовь: жизнь не вечна, а вот смерть и любовь, простите за плеоназм словообразовательный, бессмертны. Жизнь исчезает — смерть и любовь остаются. Но! — кого же они тогда умирают и любят — вечно, всегда, везде и нигде?»

А у Казарина дыхания хватило на шестьсот с лишним страниц... Мама дорогая! Панорамное произведение содержит много пластов: реальная жизнь — раз. Мучительная работа поэта, который эту жизнь живет — два. Подведение итогов — три. В какой-то мере и наставление нам, в той мере, в которой мы способны воспринимать густоту этого текста, — четыре... Это честная попытка поэта докричаться до первооснов, сорвать с реальности картонную маску повседневности и посмотреть, какие бездны на самом деле скрываются за горизонтом наших будней.

А там... нет, не чудеса, и даже не леший бродит... Там все неохватно и страшно: «Ты — дикий. Русские все дикие. Мы не рабы. Мы — дикие. Все русские дикие: и тюркские, и германские, и финно-угорские, и еврейские, и другие, другие, другие. Мы не рабы! Мы дикие. И свобода у нас в душе, братство — в сердце, а равенство — в голове... Господи, или мы — дикие рабы, не помнящие родства, для которых история — это полухудожественная словесность в черновой записи, и ее можно и “нужно”, “архинеобходимо” (по-Ленински, да?) подправить, подпереписать, приподписать, придосочинить...» В контексте русской идеи «дикость», заявленная

автором, — это не варварство или отсутствие культуры (чем она могла бы показаться западному наблюдателю). Это метафизический бунт против формальной цивилизации, которая, казалось бы, должна нести только пользу. Мы же хорошо, даже слишком беззаботно живем: инфекции лечатся антибиотиками. Медицина работает на продление жизни. Женщины вырвали у истории право решать судьбу государства. Живи да радуйся... А на деле мы все чаще чувствуем тревогу и выгорание: не до религии, не до вечного, уж больно жизнь ускорила. Еще и Интернет «постарался»: если раньше мы сравнивали себя с соседом по подъезду, то теперь перед глазами каждый день мелькают успехи тысяч «соседей», и все, буквально все — лучше нас! Это даже не жаба души, это ощущение, что тебя вот-вот вышвырнут из человечества, потому что ты — неудачник, ты отстаешь... Юрий Казарин говорит об этом явлении кратко и грозно: «Интернет — развлекаловка, которую нынче зовут коммуникативностью и информационной стабильностью. Стабильность мусора, пыли и грязи дарует равенство представителям толпы. Черни». А русский человек — не раб, ни в коем случае не раб! Он свободомыслящ, молитвенен и надматериален. Поэзия здесь берет на себя функцию молитвы: многократное произнесение формулы должно превратить желаемое в действительное, навязать бездне структуру. И все же автор оставляет эту молитву без ответа, переводя ее из разряда утверждения в разряд вечного, неразрешимого русского вопроса...

В каждой выделяемой мной цитате ритм и звучание сливаются воедино, подтверждая старую истину филологии: язык живет не в словарях, а в живой голосовой связке. Грамматика диктует логику, а дыхание — мелодию, и разорвать этот союз — значит уничтожить саму суть высказывания. Мы не можем изменить порядок слов, не сломав при этом интонацию, потому что человек говорит все это разом, единым потоком: «Ты в деревне почти один. Дачники еще не приехали. Здесь местных — три двора. Остальные — пенсы, дачники и ты с Кирикой и Ваней. Пусто. Чисто. Просторно. Как в параллельном Раю. Тезис горький — “не с кем поговорить” — утих, погасился, почти исчез — замена человеческой речи везде, нигде, окрест: язык растений, воды и воздуха, огня, света, тьмы и воображения всегда с тобой и не с тобой. Это как малый Ванёк — он и здесь, и все еще где-то ТАМ. Пьешь кофе под навесом у бани с вывеской (деревянной) на дверях “БАНЯ”. Тактология деревьев, воли и вечности. Баня — в бане». Это одиночество?.. Уже нет. Это единство с чем-то (с Кем-то!) иным? Уже почти да. Короткие назывные предложения работают как удары метронома или мазки кисти художника-минималиста. На читателя обрушилась классическая русская эстетика пустого пространства (вспоминается Левитан). Но здесь она лишена привычной тоски. Пустота воспринимается не как нехватка, а как очищение. Фраза «Как в параллельном Раю» (тоже самостоятельная, а не приставленная сравнительным оборотом к главному предложению) закрепляет этот парадокс: Рай — это место, где тебя некому потревожить, где нет социальной суеты, но есть первозданная природа.

И выходит, что одиночество центрального персонажа не преодолено героически, оно просто атрофировалось за ненадобностью. И обретенный рай вдруг пугает своей первозданной тишиной. Тело человека сидит у бани, но его сознание одновременно растворено в языке огня, воды и воображения. Человек присутствует в реальности лишь частично, став прозрачным для мира...

...Жизнь — стихийное бедствие. Смерть — абсолютный ноль. Они обжигают холодом одинаково сильно. А жизнь свою каждый живет сам, и перед лицом стихии ты один. Есть только мой сквозняк, моя тень, мое одиночество, моя способность любить вопреки всему, мое хрупкое сегодня. Это не повод для паники, просто мир так устроен. Юрий Казарин снова и снова напоминает нам: и жизнь, и смерть — не слова. Они рвут землю корнями. Попробуй удержись.

Ольга ЕФИМОВА

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

КРАСОТА И ПРАВДА ЖИЗНИ: ОТКРОВЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ...
(Творчество и судьба Михаила Пришвина)

Окончание. Начало на стр. 1

якобы нужны произведения об ударном труде рабочих и крестьян, об их борьбе за дело социализма. Но писатель вел свою борьбу — против утилитарного отношения к человеку как к рабочей силе, против потребительского подхода к природе как к «мастерской».

И человек, и природа у Пришвина предстают как нерукотворный храм Божий, единое творческое целое, в котором никогда не кончается жизнь: «все человеческое творчество состоит в том, чтобы умереть для себя и найти или возродиться в чем-то другом. Тут и думать-то особенно

нечего, стоит только поглядеть на все живое в природе и понять: все живое — зверь, птица, дерево, трава — умирает для себя, чтобы воскреснуть в другом. Из этого не выходит, чтобы человек превращался в животное или брал себе с него пример. У человека есть своя человеческая область, где он умирает и возрождается: эта область — его человеческое творчество, или его собственный путь к бессмертию» (473).

В полном соответствии с евангельской заповедью: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16) — писатель утверждал: «главная сила человека в душе <...>, новый неведомый мир откроется

людям, когда они обратят внимание туда»; «совсем недавно я, наконец-то, понял, что это стремление любить и было действием души моей и что душа — это и значит любовь» (423).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор,
историк литературы

Примечания

1. Пришвин М. М. Собрание сочинений в 8 т. — М.: Худож. лит., 1986. — Т. 8. — С. 475. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Как же здорово, когда в человеке живет вдохновение! Если поэт способен за год написать целую книгу стихотворений (а в данном сборнике представлены произведения, написанные автором в период с 2024 по 2025 год), честь ему и хвала. Значит, он честно заслужил право публикации своими бессонными ночами и бесконечными черновиками. Ведь вдохновение — это вовсе не магия свыше, а чистая энергия действия. Оно рождается там, где человек выкладывается на сто процентов, объединяя силу духа и тела. Это высшее проявление нашей натуры, но у него есть одно условие. Великий композитор Пётр Ильич Чайковский был абсолютно прав: муза — капризная гостья, которая обходит стороной тех, кто ждет ее на диване. Она приходит только по приглашению и только к тем, кто уже начал работать...

...Вот и вышла новая книга Татьяны Калининой. Ее основные мотивы — осмысление природы, Родины, любви, взаимоотношений с близкими людьми, превратностей судьбы, предназначения поэта и поиска смысла жизни. Эта лирика отмечена искренностью, откровенностью и философской глубиной. Название сборника — это и задумчивый вдох (зачем нужна другая жизнь, если эта складывается именно так, как есть?), и напоминание: а жизнь-то одна... Нет, возможно, кто-то из читателей и придерживается веры в реинкарнацию, но даже в этом случае текущая земная жизнь — неповторима. В следующем воплощении душа получает совсем другой «набор характеристик»: возраст, пол, место рождения. На Земле нет и не может быть другого в точности такого же человека, каким является каждый из нас. В общем, конечно, мы все совершаем одни и те же действия: любим, верим, грустим, ошибаемся, но в частности любой из нас делает это лишь ему присущим образом. Стихи, кстати, тоже штука уникальная. Вот смотрите: так автор пишет о нашей Родине — размашисто и полнозвучно:

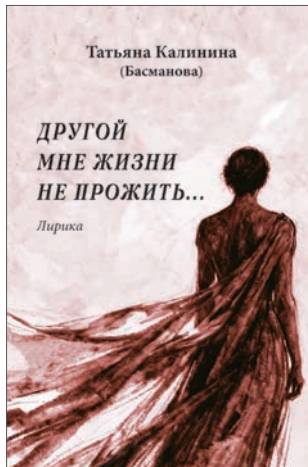
Руси отпущено знаменье,
Великой став, великой быть,
И словно Божеским вельнем
Духовность жертвенно взрастить.

Своею мощью, всетерпеньем
Людей возвысить во миру,
Даруя радость поколениям —
Вдыхать свой дух и новизну.

Мне кажется, мы опять уперлись в вечный русский вопрос: кто мы такие? Прямо сейчас идет новый виток поиска этой самой национальной идеи. Есть основания надеяться, что обретение общего ценностного фундамента поможет преодолеть последствия нигилизма и избыточного прагматизма. Разумеется, становление любой большой идеи проходит через стадию упрощений и попыток недобросовестного использования, что свидетельствует о дефиците подлинной духовной работы. Татьяна Калинина убеждена: у нас все получится! Поэтому она выбирает четырехстопный ямб, самый классический русский размер (им написаны «Евгений Онегин», «Парус» Лермонтова). Он придает стиху чеканный, маршевый ритм, звучит весомо и убедительно. Слышим, слышим. За спиной — память поколений, впереди — хочется верить! — славное будущее... А те, кто вздумает попенять автору, мол, слишком торжественно, подумайте, пожалуйста:

Татьяна Калинина (Басманова) Другой мне жизни не прожить...

М.: Издательство Евгения Степанова,
Издательство «Клуб печати», 2026

как должен писать человек, который много лет связан с дипломатическим корпусом России?.. Татьяна Калинина — супруга дипломата, а значит — незримый полномочный представитель своей Родины. За блеском посольских приемов и вежливыми беседами с местной знатью скрывается колоссальная работа над собой. Эта роль воспитывает почти болезненную чуткость к деталям. Женщина понимает, что она — живой символ своего народа, где каждое слово, каждый поворот головы и каждая пуговица на жакете становятся посланием, формирующим репутацию целого государства в глазах другого мира.

Еще Ф.И. Тютчев (поэт-дипломат!) прямо заявлял об особой миссии России. Для него наша страна была прямой противоположностью Западной Европе: пока там бушевали революции и правила человеческие амбиции, Русь должна была оставаться тихой гаванью веры и самоотречения. Эту традицию развивает наша соотечественница, как, например, в стихотворении «Сынам России»:

И куполам не меркнуть златом —
Под вечный зов колоколов
Русь неприступна, ведь объята
Любовью всех своих сынов!

Хороша фонетика! Аллитерация на звук «л» («куполам», «златом», «колоколов», «любви») добавляет тексту плавности, напевности и широты. Твердые согласные «р», «п», «ст» («неприступна», «сынов») создают ощущение твердости и стойкости. Коротко и очень сильно выражена суть нашей страны. Пока у нас есть наши церкви с золотом на крышах и пока звонят колокола, нас никто не сломает. Все дело в людях. Автор прямо говорит: мы неприступны, потому что сыны реально любят свою землю и стоят друг за друга горой. Звучит просто, но попадает точно в цель.

...И все же Татьяна Калинина не только патриот и гражданин. Она женщина, прямо и открыто воспевающая парадокс-

сальную природу любви — ее способность преодолевать боль и разрушение ради воссоединения:

Стерпит грех измены,
Едкости разлуки,
Дабы непременно
Двоих сблизить руки.

И помнит счастьем,
Жарким поцелуем,
Утопив в объятьи
Свою суть лихую.

...Как интересно устроен мир: высшее блаженство невозможно постигнуть без познания страдания. Тоска по любимому человеку обостряет вкус к каждой минуте, проведенной вместе. Любя, мы одновременно теряем рассудок от беспокорства и обретаем абсолютную гармонию, которую невозможно исчерпать. Данный фрагмент выполнен четырехстопным хореем с парной рифмовкой, имитирующим ритмику городского романа. Идеальная структура стихотворения базируется на антитезе разрушения и созидания, ключевой прием которой — олицетворение любовного чувства, проходящего через стадии стоицизма («стерпит грех») и инициации («помнит счастьем»). Лексические архаизмы («дабы») вступают в конфликт с динамичными глаголами действия, создавая стилистическое напряжение, характерное для стилизации под классическую русскую лирику.

Если перевести это на современный язык, звучит примерно так: настоящая любовь может вынести любую грязь — и ложь, и тоску, когда расстаешься. Главное, чтобы в итоге ладони все-таки встретились. А потом она накрывает тебя таким счастьем и жаром, что ты забываешь обо всем своем гонимом и дурном характере, просто растворяясь в этом моменте без остатка.

О собственном же творчестве («Стихи мои...») автор пишет с надеждой и оптимизмом:

Моей судьбы отображенье
Кому-то станет близким друг,
Читателей расширит круг,
Найдя для всех свое прочтенье!

И это скромное заявление. Татьяна Калинина не претендует на лавры великой предшественницы, сравнившей свои стихи с «драгоценными винами». Нет, тут все гораздо мягче, и поэтому — намного приятней. Нет ожидания восторгов, поклонения толпы, запоздалого обожания. Есть уверенность в том, что текст найдет своих читателей. Пусть их будет немного (а в строчках пробивается — хилым сорняком! — неуверенное «кто-нибудь», которое, однако, нивелируется восклицательным знаком), пусть даже автор сама не представляет, кто настроится на ее волну, главное, что они найдут друг друга. И в эту минуту читателю станет капельку легче.

Перед нами глубокая современная поэзия, которая найдет отклик у самого широкого круга читателей.

Ольга ЕФИМОВА

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ КОМУ НУЖНО ИСКУССТВО

Евгений Степанов — Президент Союза писателей XXI века, Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг», кандидат филологических наук, литератор. Живет в поселке Быково (Московская область).

I

У меня потекла крыша на даче.
Приехал рабочий. Начал чинить.
Разговорились.
Он спрашивает:
— А Вы кто по профессии?
— Я писатель. Поэт, прозаик.
— О, поэт!.. Я очень рад, что у меня клиент поэт. А прозаик это кто?
— Ну, это тот, кто пишет рассказы, повести, романы...
— А-а-а, понятно.

II

На квартиру пришел мастер делать поверку на счетчики.
Тоже задает вопрос:
— Вы кто по профессии?
— Я писатель, поэт...
— О, здорово! С каким я человеком познакомился! А Вы сможете мой портрет нарисовать, если я Вам заплачу?
— Нет, друг, — говорю, — не смогу. Я рисовать не умею. Картины пишет художник. А писатель пишет книги.
— А, понял. Спасибо.

...Ну вот, а вы спрашиваете, кому нужно искусство.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Литературный сборник «Есенинская Русь» объединяет поэзию и публицистику современных авторов, являющихся продолжателями традиций великого русского поэта Сергея Есенина. В издание включены произведения лауреатов литературно-музыкального конкурса-фестиваля «Есенинские встречи», а также участников арт-проекта «Поэзия жизни». Данный проект реализуется Есенинским литературным клубом, который базируется в подмосковной Балашихе.

3 октября 2025 года литературный мир отмечал 130-летие Сергея Есенина, которого называют истинно народным поэтом. К юбилею Сергея Александровича и был выпущен этот замечательный сборник. Составитель Елена Темченко подошла к делу ответственно: в книгу вошли стихотворения наших современников, почитающих поэтическую интонацию классика (в том числе и посвящения ему); очерки о творчестве поэта, воспоминания о его семье и даже «взгляд из-за бугра» — рассуждение о жизни и творчестве Есенина глазами русского зарубежья (парижский журнал «Возрождение»).

Сегодня никто не станет спорить с тем, что Сергей Есенин оказал глубокое и многогранное влияние на всю русскую поэзию. Даже в самых самобытных стихах современных авторов нет-нет да и проскользнут знакомые мотивы: его образы родной природы, сравнения и та самая неповторимая мелодичность. Поэты продолжают его безграничную любовь ко всему, что составляет флору и фауну рязанского края, — ко всему живому и даже, казалось бы, неодушевленному. И то же взыскательное настроение — прежде всего, к самому себе. Так, философскую миниатюру, построенную на антиномии дара и недостойности предлагает читателю Николай Дмитриев (1953-2005):

Мне было все дано Творцом:
И у скворечни скворчик,
И дом с крыльцом, и мать с отцом,
И складыванье строчек.

Давайте посмотрим, как мастерски поэт создает настроение. Сначала мы видим абсолютно счастливого человека, который перечисляет свои сокровища: уютный дом, семью и возможность писать стихи. Он понимает, что все это — подарок свыше. Обратите внимание на ритм: он плавный, напевный, как колыбельная. Поэт специально начинает три строки со слова «И», чтобы показать, как много всего дано. Узнаваемые нотки, правда?.. Чем же закончится это нелегкое признание? Горьким итогом — в финале поэт выражает трагическое недоумение лирического субъекта перед лицом выпавшего ему непомерного дара:

И вот теперь сказать могу
(Не за горами старость),
Что все досталось дураку,
Все — дураку досталось...

Человек постарел и оглядывается назад. И вдруг этот счастливый список вызывает у него не радость, а вопрос: «Почему мне? Я же обычный человек, я этого не заслужил». Слово «дурак» здесь — это не оскорбление, а выражение крайнего удивления и даже обиды на судьбу. Ритм ломается, фраза рвется пополам тире, чтобы выделить главное слово — «дураку». Так счастье превращается в тяжелую ношу и повод для рефлексии.

По-есенински? Вполне. Лирика Сергея Александровича неразрывно связано с народной песней; его поэзия по своей сути является напевной, что позволяет многим стихам существовать в качестве романсов. Мелодичность его стихов поистине универсальна: она одинаково органично звучала и в деревенской избе, и в городском парке, и со сцены театра. Если же мы возьмемся положить на музыку строки Николая Дмитриева (а в книгу вошло эссе Зинаиды Артюхиной «Есенин и Дмитриев» — о том, как созвучны их поэтические

Литературный сборник
«Есенинская Русь»
М.: «Вест-Консалтинг», 2026

строки), то и трех аккордов хватит: польется простой, щемящий мотив...

Есенинская поэзия очень «земная», ее можно буквально почувствовать на ощупь. Все дело в его особом, приземленном романтизме, где главное — любовь к телу и родной земле. Именно поэтому он так часто сравнивает человека со зверем. Но если у кого-то звериное начало ассоциируется с чем-то жестоким, то для Есенина это символ природной, искренней доброты. Его звери — самые добрые существа на свете. Вот почему мы так часто встречаем в его стихах образы большого и сильного медведя, доброй собаки, работающей лошади, заботливой коровы и величественной верблюдицы. Чтобы так тонко чувствовать родную природу, как это удавалось ему, нужен особый талант... Бережно подхватывая есенинское настроение, поэтическую традицию продолжает Алексей Гушан. В стихотворении «Белой ночью» мы слышим переключку поэтов, и от этого на душе становится тепло и спокойно:

Отцвела в овраге медуница.
Снова лето в северном краю.
Белая, как полночь, кобылица
Чешет бок об изгородь мою.

Чешет бок... И наплывает дрема
На забор, на яблоневый сад.
Два оконца векового дома
Полусонно за реку глядят.

Стихотворение представляет собой образец «тихой лирики», где автор с филигранной точностью фиксирует переходный момент летнего зноя. Уход весны («отцвела медуница») сменяется не динамикой, а статикой и «тягучей негой». Центральным образом, пронизывающим всю композицию сном, выступает белая кобылица. Ее почти мистическое присутствие и ленивое движение служат катализатором для погружения в дрему всего окружающего мира, кульминацией которого становится «полусонный» взгляд окон векового дома. Так создается эффект полного погружения читателя в атмосферу неподвижности и тишины. Лошадь не скачет, а лениво «чешет бок». Это бытовое, почти незаметное действие контрастирует с ее эпическим описанием («как полночь»). Она — часть этого сонного царства...

...Кстати, знаете ли вы, что Константин Есенин, сын великого поэта, был известным футбольным историографом? О том, как сложилась его судьба, повествует Алексей Галанин: «Как футбольный специалист он стал настолько популярен, что об этом даже ходили анекдоты. Однажды в аэропорту

сестра Константина Татьяна Сергеевна Есенина с двумя тяжелыми чемоданами стояла в очереди за билетами. Переносить чемоданы ей помогал молодой офицер. Когда Татьяна Сергеевна достала паспорт для предъявления кассиру, офицер прочитал фамилию и удивленно спросил: «Вы Есенина? Скажите, а вы не родственница футбольного статистика Константина Есенина?» Когда Татьяна Сергеевна встретила с братом, то рассказала ему об этом эпизоде, добавив: «Ты стал знаменитее отца». И долго потом смеялись». Действительно, и смешно, и грустно. Офицер узнает фамилию «Есенина» и, вопреки ожиданиям (связанным с великим поэтом), задает вопрос о футбольном статистике. Это момент создает комический эффект, и хорошо, что потомки поэта относятся к происходящему с юмором. Эпизод подан через восприятие сестры, что делает его более объективным и теплым. Финальный смех семьи говорит о том, что они не воспринимают это как повод для гордыни или обиды, а видят в этом забавную иронию судьбы. Это свидетельство здоровых семейных отношений. Но читателя огорчает смена культурных кодов: в сознании молодого офицера фамилия «Есенин» уже не является исключительно маркером Серебряного века русской поэзии. Она прочно ассоциируется с миром футбола. Это символ смены эпох и интересов в обществе. К счастью, в наше время все снова изменилось и встало на свои места...

Сборник предлагает всем неравнодушным уникальные исследования и мемуары. Читатель погрузится в мир имажинизма с помощью эссе Сергея Нещеретова и увидит оценку творчества Есенина глазами русской эмиграции в исследовании Андрея Хвалина. Дополняют картину личные воспоминания и фестивальная хроника от известной поэтессы Нины Красновой.

Что говорили за рубежом?.. А там была жива память о поэте. Русский человек остается таковым в любой точке мира. В парижском журнале «Возрождение» в 1950 году была опубликована статья М. Корякова, эмигранта новой послевоенной волны. Это глубоко личное, эмоциональное размышление о месте Сергея Есенина в русской культуре и истории. По сути, этот текст отвечает на вопрос: почему мы до сих пор так любим Есенина? Потому что он — наш общий портрет на фоне катастрофы. Он мечтал просто «звенеть» в прекрасном мире, но этот мир вырубил войнами. Он искал простое счастье с видом на сад из окна, но его не стало. Осталась только тоска. И вот из этой тоски рождается поэт, который говорит за всех нас. Мы не можем его забыть, потому что он стал частью нашей собственной жизни и нашей общей боли.

Влияние Есенина вышло далеко за рамки литературы, превратив его в масштабное культурное явление. Он пронизывает наше искусство и быт, ведь в его строках — подлинная душа России. Стихотворение «*Не жалею, не зову, не плачу...*» знает наизусть почти каждый, и именно в этом всенародном признании — залог бессмертия поэта. Настоящее издание призвано не только напомнить нам о памятной дате, но и в очередной раз убедиться: Сергей Есенин — это классик, который близок и понятен каждому.

Вера КИУЛИНА

ОБЪЯВЛЕНЫ ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ
ЖУРНАЛА
«ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАПИСКИ»
ЗА 2025 ГОД

Лауреатами премии журнала «Зарубежные записки» за 2025 год стали:

- Поэзия
- Юрий Юрченко. Шел дождь. *Стихотворения*, № 53, 2025
 - Наталья Тимофеева. Жить и смотреть на глубь ночных небес. *Стихотворения*, № 54, 2025

- Проза
- Владимир Лебедев. *Короткие рассказы*, № 53, 2025

Премии «Зарубежных записок» вручаются за лучшие публикации года. Поздравляем уважаемых лауреатов! И ждем от них новых произведений.

Главный редактор журнала «Зарубежные записки»
Евгений СТЕПАНОВ

ИНТЕРВЬЮ

— Вышла Ваша книга стихов «Фигуры молчания и речи». На мой взгляд, это очень яркая — авангардная! — книга. А кого Вы считаете своими учителями в поэзии — из классиков и современников?

— Спасибо! В разные периоды моей жизни пантеон любимых поэтов-учителей менялся. Но были и постоянные имена: Даниил Хармс, Владимир Маяковский, Геннадий Айги, Елена Шварц, Томас Стернс Элиот, Дилан Томас. В какой-то момент на орбите обожания были Константин Кедров, Алексей Парщиков. Небезынтересно для меня поэтическое письмо Аркадия Драгомощенко, Элис Освальд. Я считаю их и классиками, и современниками, поскольку система поэтических приемов, заданная в их творчестве, не исчерпана; некоторые композиционные и образные решения могут быть апробированы современными авторами, практикующими разные типы и стили письма. Анри Матисс писал, что значимость художника определяется количеством новых знаков, которые он ввел в пластический язык. Если какие-то из этих знаков получают свое продолжение в творчестве других, то знак «живет», «знак играет». Авангардные направления в искусстве и поэзии начала XX века строились на перманентном обновлении художественного языка. К этому должен стремиться любой поэт.

— Что для Вас поэзия? Дайте определение!

— У меня есть несколько рабочих определений. Ни одно из них не является полным. Редукция поэзии к списку ее функций, когда подчеркивается либо ее эстетическая, либо познавательная, либо онтологическая сторона, на мой взгляд, ловушка. Понятие «поэзия», как и понятие «искусство», должно оставаться открытым для «сборки».

Виктория Мамонова — одна из самых ярких и известных поэтесс Санкт-Петербурга. Недавно в Москве у нее вышла новая книга стихов — «Фигуры молчания и речи», которая вызвала большой резонанс в литературной среде. В этом номере газеты с Викторией Мамоновой беседует **Евгений Степанов**.

ВИКТОРИЯ МАМОНОВА: «СУЩЕСТВУЕТ РАЗНЫЙ ДИАПАЗОН АРТИКУЛЯЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА...»

— С чего у Вас начинается работа над стихотворением? Что Вас побуждает к поэтическому творчеству?

— В этом вопросе два вопроса... Вы знаете, как передвигается сороконожка? У нее сложный волновой рисунок движения, который начинается с задних пар ног и дальше идет с некоторой микрзадержкой, возможно, потому что ноги внутри пары находятся в противофазе (нет, она не рефлексировует, хотя, кто знает?!). Работа над стихотворением у меня может начинаться до его письма; гораздо хуже — когда эти процессы синхронизированы. А вот к творчеству может вызвать любой образ (или событие), ставший феноменом. Как ни странно, но я не пишу стихи от стихов, хотя очень многие стихи во мне вызывают восхищение, но не желание написать «поэтический ответ».

— Во сколько лет Вы написали свое первое стихотворение?

— В восемь лет.

— А где состоялась первая публикация?

— Первая публикация состоялась в 1998 году в Северо-Осетинском литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Дарьял», когда им руководил Руслан Хадзыбатырович Тотров.

— Зачем людям стихи? В наше-то прагматичное время...

— ...чтобы оставаться людьми.

— Петербург — культурная столица России. А как живет поэт в городе на Неве? Часто ли проходят литературные вечера, есть ли возможность печататься в литературных журналах?

— В Петербурге есть понимание того, что существует разный диапазон артикуляции поэтического слова. Поэтому авторы могут выбрать тот ритм, в котором им комфортно жить. А поэтические слэмы, вечера, читки, конкурсы, фестивали здесь проходят постоянно. Какое-то время назад развивался очень интересный творческий проект Натальи Дроздовой «Зеленая среда». Он был комплексным и включал в себя одноименный альманах современной поэзии, а также радиопередачу «Зеленая среда» на радио «Мария» и телепередачу с таким же названием на телеканале «ВОТ!». Мне посчастливилось представить свои стихи на всех трех площадках. Издательство «СКИФИЯ» в течение многих лет выпускало книжную серию «Антология сетевой поэзии», а в настоящее время выходит серия «Антология Живой Литературы». Самиздатские журналы и альманахи — отдельный феномен в литературной жизни города. К сожалению, прекратил свое существование уникальный самиздатовский альманах неровной поэзии и графики «Ухо Ван Гога» художника Григория Канцельсона. Он выходил скромным тиражом, поскольку каждый экземпляр был создан вручную. Каждый номер — арт-объект, очевидная связь с «книгой художника». Среди литературных журналов я бы выделила те, с которыми сотрудничала, надеюсь, что и в дальнейшем буду, — это «Зинзивер» и «Крещатик».

— И мой традиционный вопрос, который я задаю всем своим собеседникам: в чем смысл жизни?

— Если вопрос — традиционный, то у Вас, вероятно, уже сформировался корпус ответов интервьюируемых. Мне кажется, пребывание в ситуации затемняет или размывает ее контур. Делезовский становящийся смысл, хюбнеровская тоска по Смыслу, противопоставленному смыслу, диалогическая природа смысла у Ю.М. Лотмана — примеров много. Но формулирование и схватывание смысла предполагает также дистанцированность и вневходимость по отношению к нему. Кто в таком случае совершает высказывание?

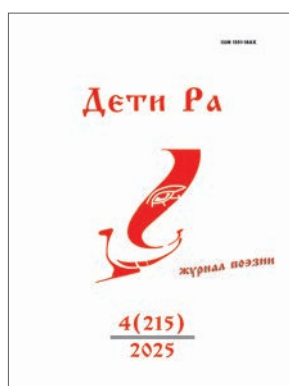
Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

РЕКЛАМА

• литературный портал и магазин современной литературы и периодики •

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

книги /// газеты /// журналы /// интернет-издания /// блоги

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

заходите! читайте! заказывайте!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Сначала об эксперименте. Как-то случайно, я положил книгу **Владимира Николаева** «DostoevskyFM» рядом с включенным радиоприемником, и в эфире тут же появились помехи. Почему-то вспомнился известный первоапрельский мем «DostoevskyFM» — не радио, а книги».

Книжка «DostoevskyFM», изданная в апреле 2026 года, представляет собой совместный проект издательства Евгения Степанова и «Клуба печати». Это почти карманный вариант печатной продукции. В ней 13 рассказов занимают совсем небольшое пространство: согласно выходным данным — 52 страницы; фактически же тексты расположены на 46-ти, остальные — технические: авантитул, оборот авантитула с номером ISBN и краткой аннотацией, содержание, две пустые страницы отданы под заметки, концевая полоса с типографскими данными.

Кстати, об аннотации. Сейчас, когда книга прочитана, обратил на нее внимание: «...в емких рассказах много смысла, иронии и самоиронии». С таким обобщением можно согласиться. Хотя, как мне кажется, этот ряд нужно дополнить. И здесь я, прежде всего, выделил бы доверительность интонации. Текст с первых же слов рвет дистанцию между рассказчиком и читателем, втягивая последнего в историю, интригуя его. Причем каждый раз начало звучит по-разному:

то с бодрого приветствия «*Поздравляю всех пионеров!*» («День пионерии»);

то с откровения «*Люблю отдыхать с богатыми*» («DostoevskyFM»);

то с очевидного «*Поезд на Сундсвалл отправлялся через час после прилета [самолета]*» («Металл Сундсвалла»);

то с невероятного «*Воробей уснул на подоконнике, прилипнув лбом к стеклу*» («Голем и Воробей»).

Также отмечу разноплановость рассказов. Вот автор рассказывает залихватскую байку, вот он сдержанно повествует, соединяя воспоминания детства с магическим реализмом Густава Майринка; в следующем рассказе загружает читателя историческими фактами, или ошарашивает эксклюзивными сенсационными сведениями; взывает о справедливости, выдавая на-гора голую эмоцию. В любом случае, читается с интересом, захлеб.

Но как это можно соотнести с frequency modulation (FM, частотная модуляция), которая (внимание: немного физики!) использует электромагнитные волны? Может быть, через знаменитую УВБ-76, коротковолновую радиостанцию, известную в мире, как «Жужжалка» или «Радио Судного дня»? Также на коротких волнах, отражающихся от ионосферы Земли или от верхних слоев атмосферы, работал ламповый немецкий радиоприемник Штирлица, который принимал по нему шифрованные сообщения из Центра (помните, «Алекс — Юстасу» в фильме «Семнадцать мгновений весны»?).

Таким образом, возникает вопрос, а не несут ли тексты из «DostoevskyFM» закодированную информацию, передава-

Владимир Николаев DostoevskyFM

М.: Издательство Евгения Степанова,
Издательство «Клуб печати», 2026

емую в открытую по типографско-издательским каналам? Если так, то как тогда коррелируется доверительная интонация с возможной кодировкой сообщений?

«Это невероятно», — вправе сказать неискушенный читатель. В то же время другой более внимательный и дотошный исследователь литературной продукции почешет затылок: «А чем черт не шутит?». И начнет проверять на достоверность те самые факты, о которых нам поведал автор в своей мини-книжке.

А поведал он много чего интересного. Тут и о делающем дело олигархе, у которого «жена из Фрязино»; и об отдельном полке оперативно-тактических ракет Группы советских войск в Германии; и о танках на улицах Праги в 1968 году; об организаторе выставки туриндустрии в Киеве в нулевых годах XXI века Николае Васильевиче Грицыке, жалеющем, что «незалежна» не имеет ядерного оружия; о солнечной Одессе и румынской ее оккупации в годы Великой Отечественной войны; о загадочном исчезновении пятидесяти тонн магния с территории шведского завода, «принадлежащего русскому алюминиевому холдингу»; об истребителе четвертого поколения и ракетном топливе, подаренном Швеции «доброй женщиной» из России; а еще о зачистке от диверсантов и террористов Острова Пророка в русле Амударьи, в результате которой «никто не лишился жизни»; об участии британской разведки в ликвидации сибирского старца Григория Распутина...

Фактаж, как видите, уникальный. Но в данном случае он интересен не сенсационностью, которая, кстати, достойна

конспирологических расследований в стиле телевизионных передач на РЕН-TV, а тем, как эти факты подаются автором, как они вписаны в сюжет, в какой ритмике написаны, какими литературными «завитушками» украшены.

Актриса, игравшая в театре («в театре ведь как в бане — все равны»), «очень талантливая, но вот — одинокая»; пионерский галстук завязывался, «не глядя, в три движения»; глиняный голем Йозеф сошел с ума и «в иступлении давил посудные лавки»; Воробей, уснувший на подоконнике, оказывается сыном советского офицера; немец-парикмахер, который «старательно выводил машинкой по цыплячьей шее» советского школьника, делал из него мальчика-гитлерюгенда... В трех рассказах автор говорит об отце, таким образом вводя в книгу сквозной образ, который в определенной степени скрепляет тексты, делая их цельной книгой.

Ритмику Владимир Николаев задает короткими выверенными предложениями. При этом повествование ведется, как уже говорилось, с доверительной интонацией, но несколько отстраненно. В какой-то момент это напомнило речь эксперта, делящегося эксклюзивом в рейтинговой телевизионной передаче. Причем программа записывается в прямом эфире с участием зрителей, и рассказчик с первых же слов овладевает вниманием аудитории.

Отдельно отмечу триптих («День пионерии», «Полубокс», «Голем и Воробей») — ностальгический, в чем-то даже сентиментальный и одновременно светлый, чистый. Может, потому что о детстве, где «за двумя рядами колючей проволоки начиналось поле» с цветущей горчицей, где «взвивалась в воздух» ракета, сделанная из фольги и артиллерийского пороха, и «вдохновенно светилось» «фарфоровое личико», вбежавшей в класс «русички». Эти три рассказа из другой Вселенной, о которой захотелось узнать больше, которую можно было бы расширить еще несколькими историями.

Вообще, в книге Владимира Николаева чувствуется какая-то недосказанность, незавершенность. Но в этом есть и своя логика, точнее, авторская «фишечка». Кажется, что для него важно высказать мысль, а не украшать повествование яркими красками, образами и персонажами. Поэтому выбранный автором формат мини-текста так напоминает японский жанр дзуйхицу, подразумевающий спонтанность, когда мысль «следует за кончиком пера», когда писатель записывает все, что приходит ему в голову в данный момент: внезапное воспоминание, бытовую сценку, философское раздумье.

А похож ли «DostoevskyFM» на кодированное сообщение? Пусть этот вопрос останется без ответа.

Владимир ПИМОНОВ

ПОЭЗИЯ

ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВА ЭТОТ ПУТЬ

Екатерина Яковлева — поэт, музыкант. Родилась и выросла в г. Иркутске. Окончила Байкальский Государственный Университет Экономики и Права (экономист), Иркутский Государственный Лингвистический Университет (лингвист, преподаватель иностранных языков и культур), Российский Университет Дружбы Народов (психолог). Более 10 лет занималась музыкой в стиле death/black metal в качестве барабанщика. Пишет на русском и английском языках. Член Союза писателей XXI века.

ЗА ГОРИЗОНТ

Как долгот этот путь куда-то...
В пустыни жизни быть чужим,
За горизонтом скрыта правда,
Но горизонт недостижим.

Извечны засуха и жажда,
Что есть судьба? — песок и пыль.
Ты веришь — дождь пойдет однажды,
Спустя десятки, сотни миль.

Но небо — выжженные вены,
Спасенья высохший поток.
И вместо капель вождельных
На землю сыплется песок.

Как долгот этот путь из фальши,
Ждешь ветра свежего порыв,
А горизонт уходит дальше,
Свои секреты сохранив.

ЗВЕЗДНЫЕ АНГЕЛЫ

Возможно ли увидеть в темноте
На небе черных крыльев очертанья?
Сердца и плоть в призывной наготе —
О, как прекрасны звездные создания!

Ночь укрывает нежные тела,
Не тронет Солнце трепетные перья,
По тонким венам протекает мгла,
Полет их преисполнен откровенья.

Взлететь в его объятиях к Луне,
Над пропастью миров бродить по краю.
Он сладостно шепнет: «Доверься мне,
Сорвись с небес, и я тебя поймаю...»

Возможно ли, что Ангелы в ночи
Летают выше грез и сновидений?
Блещат на коже звездные лучи,
И темнота искрит от искушений.

ЮБИЛЕЙ

15 августа 2026 года исполнилось 85 лет замечательному поэту и человеку **Петру Георгиевичу Гулдедаве**. Поздравляем нашего друга и желаем ему новых стихов и крепкого здоровья!

Редакция газеты «Литературные известия»

ПЁТР ГУЛДЕДАВА ДОРОГА ЖИЗНИ

* * *

Не верил я хвале и ласкам,
Привычным «маминым сынкам».
И жить учился не по сказкам,
А по дворовым синякам.

Меня держал на перегреве
И удивлял тот пустячок,
Что на Руси что ни царевич,
То бывший Ваня-дурачок!

Судьбе украсть бы не позволил
Удачу, может быть, и я,
Когда бы с юности усвоил,
Что в сказках — мудрость бытия!

* * *

Как ни будь мы с годами мудры,
Наши игры в «сестренки-братишки»
Отличаются только до некой поры
От лукавой игры в «кошки-мышки».

В наших, скажем, теперь уж «неюных» годах,
В увлечении целью искомою —
Несмешной моветон: «...говорить о мирах,
истекая известной истомою»!

Лучше станем чужими мы, — пусть, —
Не впервые такие потери, —
Чем продлять безысходную грусть
И стучаться в закрытые двери!

* * *

Чиновник, учитель, солдат и студент —
В фаворе ты или в опале, —
Живи, «просекая» текущий момент,
И руки держи на штурвале.

Какая с тобой ни случится беда,
Она — лишь звено из цепочки!
Не должен исконный мужик никогда
Грустить, что «завяли цветочки»!

Что толку сердиться на тонус земной,
На бури, шторма и цунами?
Живи, сохраняя покой, —
и весной
«Цветочки» распустятся сами!

* * *

Когда взбесились часовые стрелки
И все сильнее давит груз креста,
Хотя теперь его проблемы мелки,
Зато и жизнь не так уж и проста.

И отказавшись от хмельного зелья,
И на куренье наложив зарок,
Поэт, любивший шумное веселье,
Становится угрюм и одинок...

И для души разгульного поэта
Ворота в рай становятся узки,
Когда уже почти не видно света
Во мгле его отчаянной тоски!

* * *

Дорога жизни — путь земных исканий,
Где ты обязан дольний крест нести,
Где счастье недоступно без страданий,
Препятствий и ошибок по пути.

Старайся погасить душевный ропот,
Какое зло тебя ни посети:
Ведь неудача — это тоже опыт,
Который всем придется обрести...

Среди мирского зноя или стужи —
От глубины души благодари
И тех, с кем открывался мир снаружи,
И тех, с кем познавался изнутри.

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

Кроссворд
составила
Ольга ЕФИМОВА.

По горизонтали:

1. Автор романа «Посмертные записки Пиквикского клуба».
4. Автор романа «Мастер и Маргарита».
6. Автор романа «Портрет Дориана Грея».
8. Автор романа «Алхимик».
9. Автор романа «Убить пересмешника».
10. Автор романа «Земля Санникова».

По вертикали:

2. Автор романа «В дороге».
3. Автор романа «Граф Монте-Кристо».
5. Автор романа «Скотный двор».
7. Автор романа «Голова профессора Доуэля».
11. Автор романа «Пролетая над гнездом кукушки».
12. Автор романа «Алиса в стране чудес».
13. Автор романа «Рассказ Служанки».

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanov@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Вера Киулина, Анатолий Малкин,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Юрий Поляков,
Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».
г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.
Заказ 2419. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

